© 1990 г.

КРАСУХИН К. Г.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО
СИНТАКСИСА(В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ КНИГИ Ю. С. СТЕПАНОВА
«ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ». М., 1989)

В сравнительно-историческом языкознании совершенно особая роль принадлежит синтаксису. С одной стороны, реконструкция этого уровня наталкивается на особые трудности: общие черты у родственных языков могут объясняться не исконным родством, а параллельным развитием или контактами (ср. перифрастический перфект в европейских языках или «балканское будущее»). С другой стороны, синтаксическая реконструкция в ряде случаев является весьма перспективной, она способна прояснить многое в морфологическом строе языка. Как справедливо заметил Б. Дельбрюк, сегодняшняя морфология — это вчерашний синтаксис [1]. В этой связи Ю. С. Степанов в рассматриваемой книге отмечает, что младограмматический период в языкознании завершился книгой К. Бругмана [2], в которой предложения рассматривались как психические акты. В период господства структурализма внимание синтаксистов было переключено на данные типологии и теории универсалий, в частности, на проблему порядка слов в предложении, что нашло отражение в книге У. Ф. Лемана [3]. В настоящее время интенсивно развивается лингвистическая семантика, поэтому весьма актуальна проблема лексических вхождений в предложение. Именно исследование этого вопроса автор и определяет как задачу своей книги. Однако проблематика монографии Ю. С. Степанова значительно шире: по сути, это — первая работа, в которой представлен опыт построения цельной концепции индоевропейского синтаксиса, в рамках которой можно ответить не только на вопрос «как», но и «почему». Имеющиеся монографии либо рассматривали отдельные вопросы реконструкции индоевропейского предложения [4], либо касались попутно вопросов индоевропейского синтаксиса в связи с другими проблемами [5]. Исследователи же, стремящиеся к построению целостной модели предложения (Ф. Бадер, Х. Розен), пока не опубликовали монографических работ на эту тему. Поэтому книга Ю. С. Степанова без преувеличения является пионерской. В ней *sub specie* синтаксиса пересмотрена индоевропейская морфология. Автор в этом опирается на понятие синтаксического основания (*fondement syntaxique*), являющееся аналогом синтаксической трансформации в синхронии [6—7]. В общих чертах синтаксическое основание есть преобразование морфологической единицы под влиянием ранее произошедшего изменения в структурной схеме предложения. Понятие структурной схемы предложения является для синтаксиса центральной. Именно оно позволяет представить синтаксис как подвижный, но вместе с тем четко структурированный континуум,

на который и накладывается сетка структурных схем, заполненных лексическими вхождениями. История же синтаксиса есть история схождения и расхождения структурных схем предложений, постоянно трансформируемых.

Мне уже приходилось высказываться о рассматриваемой книге [8], но проблематику этой работы просто невозможно уместить в одну рецензию. Поэтому в предлагаемой статье будет продолжено обсуждение идей Ю. С. Степанова.

Вкратце основная синтаксическая концепция Ю. С. Степанова заключается в следующем. Автор исходит из идей Г. Х. Уленбека, реконструировавшего особый строй праиндоевропейского. По мнению голландского исследователя [9], здесь противопоставлялись падеж субъекта при переходном глаголе¹ и падеж объекта, который маркировал и субъект при переходных глаголах. Из этой реконструкции Ю. С. Степанов делает вывод о том, что в праиндоевропейском в определенный период («период Уленбека») могли существовать три главных типа предложений: (I) Неактивный субъект + неактивный предикат; (II) Активный субъект + активный предикат; (III) Активный субъект + активный предикат + неактивный объект (этот тип — производный от первых двух). Указанный период определяется Ю. С. Степановым как время распада активного строя. «Период Уленбека» мог предшествовать «периоду Гамкрелдзе — Иванова» — языковое состояние, характеризовавшееся активным строем с вкраплениями черт эргативного. В более же поздний период господства номинативно-аккузативного строя языка стало возможным формирование еще трех типов предложений: (IV) Активный субъект + глагол + активный объект; (V), Неактивный субъект + глагол + неактивный объект; (VI) Неактивный субъект + глагол + неактивный объект. С точки зрения Ю. С. Степанова, три этих типа значительно менее естественны для праиндоевропейского. Со ссылкой на И. М. Тронского [10] отмечается, что предложения типа (VI) с субъектом — абстрактным словом в латыни использовались только в поэтическом языке, как у Плавта: *Necessitas me subigit* (Pseudolus, 7). Неактивность автор определяет как «подобие вещи», активность же в интерпретации Ю. С. Степанова есть подобие человека, то, что свойственно человеку. Поэтому субъекты можно классифицировать следующим образом (в порядке убывания активности): лица / люди вообще / животные / растения / вещи / абстрактные имена. Согласно общим принципам типологии активного строя, с некоторым классом субъектов мог сочетаться только соответствующий ему класс предикатов. Так, в предложениях типа (I) могли встречаться только *perfecta tantum*, а в предложениях (II) — только *activa tantum*; при субъекте-человеке — *media tantum*.

Perfecta tantum подразделяются на две категории: глаголы со значением «состояния тела» и «состояния духа». В первую группу входят глаголы с такой семантикой, как «гореть» (греч. *δέδωρε*), «быть воткнутым» (κέντησε), «быть бурным» (τίετρησε). Сюда же относятся глаголы со значением воздействия на органы чувств: *ῥῶδα* «пахнуть», *μέμνηα* «мычать», *βέβρωχα* «издавать стон». С этими глаголами связаны однокоренные имена, обозначающие результат действия или состояние в результате действия: κέντησε — κήτος; лат. *ragus* «межевой столб», *δέδωρε* — *δαός* «факел» и т. д.

¹ Сам Уленбек говорил о переходности — непереходности глагола [7]. В этой связи Ю. С. Степанов справедливо замечает, что категория переходности вовсе не относится к числу архаичных для праиндоевропейского глагола. На ранних этапах противопоставлялись именно активные и неактивные глаголы.

Иногда такие имена указывают на то, что можно реконструировать незафиксированный глагол: греч. *κόλος* «безрогий, комолий» этимологически соотносится с русск. *колоть*. Другую большую группу глаголов составляют *perfecta tantum* со значением «состояния духа», связанные с субъектом-человеком: γέγηθα «радоваться», δίδωρκα «видеть», οίδα «знать»².

За пределами греческого и санскрита нет развитой системы перфекта, отделенного от простого претерита, но многие и.-е. языки сохраняют в презенсе следы старого перфекта. В германском это — перфекто-презенсы, такие, как гот. *kann* «знать», *skal* «быть должным», *mag* «мочь»; в балтийских — глаголы с *a* в корне и *e* в основе инфинитива: ср. литов. *magėti* «мочь», *galėti* «мочь». В армянском автор выделяет пять глаголов, восходящих к перфекту, среди них *gitem* «я знаю» (< **yoid-*), *gom* «я есмь» (< **uos-*).

Общее значение и.-е. перфекта (точнее — протоперфекта) автор, следуя устойчивой традиции, определяет как стативное (ср. [11—13]). Результативный перфект — более позднее явление, тогда как и.-е. прототип этой категории, по-видимому, был близок к русской категории состояния типа *мне ногу колет*; *мне руку больно*. Видимо, подобные глагольные формы представляли собой рассогласованные глагольные прилагательные с неактивным значением.

Автор, однако, подчеркивает, что классификация предложений по субъектам и по предикатам совпадает лишь отчасти. (С нашей точки зрения, это обстоятельство явно свидетельствует против реконструкции активного строя в праиндоевропейском.) По мнению Ю. С. Степанова, решить это противоречие можно с помощью более тщательной классификации предикатов. Важно учесть особое место субъектов, обозначающих человека. Они в предложении типа (I) сочетались с перфектами, обозначающими состояние духа, а в (II) — с *media tantum*. Из этого следует несколько важных выводов. Во-первых, становление медиа как категории связано с семантикой субъекта-человека (ср. в этой связи «медий заинтересованного лица», а также греч. *media tantum* δέχομαι «брать», ἔρχομαι «идти»). Во-вторых, вслед за Ф. Бадер [14], автор восстанавливает два типа перфекта: с редупликацией и в ступенью корня и нередулицированный, со ступенью *o* в ед. ч. и *ō* в мн. ч. По мнению Ю. С. Степанова, перфекты первого типа могли означать «состояние духа», а второго — «состояние тела». В-третьих, между перфектом и медием наблюдаются пересечения; к ним автор относит нестандартный (иначе — бездентальный) медий в ведическом. Анализ таких форм, оканчивающихся в 3 л. ед. ч. презенса на *-e*, а в 3 л. мн. ч. — на *-re* (в претерите соответственно *-a*, *-at* и *-ran*), показывает, что наиболее архаичными являются др.-инд. формы *śāye*, *śere* «лежать» и *duhé*, *duhré* «доняться» [15]. В этой связи Ю. С. Степанов замечает, что первый глагол обозначает одну из важнейших поз человеческого тела³.

² Категория *perfecta tantum* в греческом может включать в себя разнородные элементы. Ю. С. Степанов упоминает греч. *εἶσα* «иметь обыкновение» (и имя *εἶσος* «обычай»). Его аналогами являются др.-инд. *svadhā* «склонность, привычка», гот. *sidus* «обычай», лат. *sodalis* «товарищ». Эти примеры достаточно четко свидетельствуют о том, что данный корень — композит: **ye* «себе» (возвратное местоимение) + **dhē-* «устанавливать, класть». Соответственно *εἶσος* < **syedhōs*, а образовавшееся по аналогии с перфектом *εἶσα* < **syē-syo-dha*.

³ Идея Ю. С. Степанова о субъекте медиа — человеке очень удачно объясняет соотношение медиа и перфекта в таких парах, как греч. *δίδωρκα* — *δίδωρκα* «видеть», *μάομαι* — *μέμνηομαι* «стремиться». В. Курилович [16] видел здесь «отражение перфекта в презенсе», но очень существенно то, что все эти глаголы относятся именно к человеческой сущности.

Активные глаголы при активном субъекте, согласно Ю. С. Степанову, объединяются общим значением «жизненной силы». Их характерной чертой является то, что в них, если можно так выразиться, «сокрыт субъект», поскольку они выражают важные, родовые свойства предметов. К таким глаголам относится русск. *веять*, но *ветер*, т. е., собственно, «то, что веет» (ср. др.-инд. *vāta vati*), соответственно, *вода* «то, что течет» (ср. др.-инд. *unatti*; с этим глаголом связано и.-е. обозначение воды **ud-*, тесную связь с указанной глагольной основой демонстрирует лат. *unda* «волна»). Поэтому активные глаголы могут употребляться в безличном предложении типа русск. *идет*, лат. *itur*, русск. *жарит*, лат. *caletur*.

Два описанных типа предложений представляются наиболее архаичными. Они восстанавливаются в русле определенной традиции, согласно которой в протоиндоевропейском языковом состоянии противопоставлялись актив («примитив», по Э. Швицеру) и протоперфект-статив [11—12; 17—20]. Общее мнение сводится и к тому, что первый тип глаголов («первая серия», по Вяч. Вс. Иванову) соответствует хеттскому спряжению на *-mi*, а второй («вторая серия») — спряжению на *-hi*. Все же остальные типы предложений являются производными от первых двух. Так, предложение типа (III) может быть трансформацией типа (I) при добавлении к нему активного субъекта: *Камень лежит + Человеком камень лежит* [20, с. 297—298]. В этой связи можно вспомнить идею У. Шмальстига [21], который видит продолжение и.-е. эргативного предложения в пассивах и инактивах типа литов. *žėmė primirko* «земля намокла» — *žėmė primirko lietais* «земля промокла от дождя». Ю. С. Степанов называет такую реконструкцию «путем изнутри предложения» и предлагает «путе извне предложения». Предложение типа (III) может являться пересечением типов (I) и (II): *Человек кладет + Камень лежит* → *Человек кладет камень*. Подтверждение того, что развитие шло именно таким путем, автор видит в разнодательных формах от одного и того же корня: греч. *σῆμα* «гноить» — *ἐσάμα* «нечто сгнило».

Тип (IV) рассматривается автором в духе предложенной Гамкрелидзе — Ивановым процедуры. Отражением в нем типа (I) является так называемый «супплетивный пассив» в греческом: *ἀποχτείνω* «убивать» — *ἀποχτίζω* «умирать», *διδάσκω* «учить» — *μαθάνω* «учиться». Эти «супплетивные пассивы» наряду с морфологическими пассивами сочетаются с падежом агенса. Исконным для «супплетивных пассивов» автор считает датив, который мог быть заменен на генитив с *ὄλο*. Этот последний обнаруживает связь с субъектом-человеком: в классическом греческом инструментальную функцию нес датив с *ὄλο*, а аукториальную — генитив с *ὄλο*. Ср. у Гомера: *ὄλο* «Εκτορος θνήσκειας (Ил. 1,242) — «Гектором убитые» — *ὄλο λαλακί βέβριθε γῆν* «от бури ... стонет земля» (Ил. 16, 384). Но совершенно омонимичные инструменталь и аукториаль можно наблюдать в следующих примерах: *ὄλο* *ἐμοῖ διτρήντα* (Ил. 5, 646) «убитого мной» и *ἐμῶ δ'ὄλο δοῦρι δαχύντα* (Ил. 5, 653) «поверженного моим копьем». Объединение же генитивной и дативной конструкции можно наблюдать в Ил. 3, 436: *μή... ὄλο* *αὐτοῦ δοῦρι δαχύνῃς*; «как бы ты не был повержен его копьем», где предлог *ὄλο* может мыслиться как относящийся и к *δοῦρι* (в этом случае *αὐτοῦ* — притяжательный генитив к *δοῦρι*), и к *αὐτοῦ* (в этом случае *δοῦρι* является простым инструментом).

Генитив же рассматривается Ю. С. Степановым как и.-е. агентивный падеж при пассиве, ср. др.-перс. *manā kriam* «меня сделано», т. е. «я сделан», литов. *manò kùrtą* т.ж., арм. *nora gorceal e* «его сделанное есть».

Следующая черта, подтверждающая производность типа (IV), — функционирование каузативов. Ю. С. Степанов обращается здесь к случаям, когда каузатив, образованный от переходного глагола, не отделяется от него по значению. По мнению исследователя, такое совпадение возникает, когда объектом глагола является человек⁴.

Такова в общих чертах синтаксическая концепция Ю. С. Степанова. От нее отходят две линии исследования: одна направлена на глубинные структурные связи и схемы предложений (гл. IV «Перифразы по линии актантов» и гл. V «Перифразы по линии предикатов»), другая — на поверхностные средства соединения синтаксических структур (гл. II «Согласование по длине предложения», гл. III «Референция и дейксис», гл. VI «Интонация фразы и порядок слов»).

В этой связи хотелось бы сказать несколько слов о возможной типологии праиндоевропейского.

Замечу, что некоторые ученые, прежде всего Б. А. Серебренников, вообще отрицают правомерность выделения активного строя языка как отдельного таксона [23]. Другие исследователи отмечали, что активный строй достаточно редко встречается в языках мира, а Гамкрелидзе и Иванов не представили абсолютно убедительных документов в пользу такой реконструкции [24]. На наш взгляд, важно подчеркнуть и следующее. Номинативный строй отличается от любого другого прежде всего тем, что в нем субъект и предикат независимы друг от друга: активность и неактивность одного никак не влияет на морфологию другого; в сочетаемости же их действуют сугубо лексические правила. Именно этим характеризуются индоевропейские языки. Некоторое исключение⁵ представляют только имена на *-ant* (в противопоставлении именам без этого форманта) в хеттском. Суф. *-ant* переводит имена из среднего рода в общий и появляется при глаголах с активной семантикой, например: *ešhananza ešhanas inap karapzi* «кровь (активное имя) крови (неактивное имя, генитив) болезнь снимает» [20, с. 303]. Однако Вяч. Вс. Иванов признает, что такие конструкции могут объясняться влиянием хаттского субстрата [27, с. 150].

Гамкрелидзе и Иванов также попытались установить разделение п.-е. глагольных лексем в зависимости от их сочетания с активными и неактивными именами. Так устанавливаются четыре синонимические пары, обозначающие основные позы человеческого тела (первый глагол — активный, второй — неактивный): *es-ti — bhuelo* «быть», *ses-ti — k(e)le/o* «спать, лежать», *staH-ti — ore/o* «стоять», *sās-ti — sedelo* «сидеть». Однако обоснованность морфологических и семантических критериев, положенных в основу классификации, вызывает сомнения. Во-первых, глагол *es-* так же может относиться к атематическому спряжению, как и к тематическому (лат. *sunt*, ср. [28—29; 18]). То же можно сказать и о корне *sed-* (вед. *satsi* «ты сидишь»): корневое атематическое *sam-sad* ясно свидетельствует о возможности атематических форм этого глагола. Напротив, корень *ēs-* «садиться» является, собственно говоря, перфектом от *es-* «быть», и хеттский язык сохранил его спряжение, близкое перфекту: ср.

⁴ Это предположение не доказано. Вед. *tasmin mam dhehi* .. (РВ IX, 113, 7) не имеет каузатива, т. к. от корня *dha-* каузатив образуется с помощью форманта *-paya-* [22, с. 369], так что *dhehi* — первичный глагол. В ведическом не обнаружена закономерность: одушевленный объект → каузатив и неодушевленный объект — первичный глагол, следовательно, эта связь не является необходимой.

⁵ Эргативная конструкция развилась в ряде индийских и иранских языков, о чем см. [25—26]. Ясно, что это — позднее явление. Отмечу также, что пока не выявлено исторически засвидетельствованного перехода номинативного строя языка в номинативный.

esari «он садится». На неоднозначную интерпретацию обоих вариантов корня *es-* обратил внимание и Ю. С. Степанов. Наконец, *es-* и *bhu-* соотносятся друг с другом совсем не как активный и пассивный, а как стативный и терминативный глаголы. Их во многом объединяет аористное значение корня *bhu-* «стать». Что же касается корней *staH-* и *or-*, то между ними нет и такого связующего звена, и объединение их в синонимическую пару вообще недостаточно корректно. Первый корень значит во всех временах и аспектах «стоять», второй — только «поднимать(ся)». Других же явных доказательств номинативной связи субъекта и предиката в и.-е. языках нет⁶.

Далеко не бесспорна постулируемая Вяч. Вс. Ивановым связь хеттского спряжения на *-mi* и *-hi* с и.-е. гипотетическими активной и стативной сериями спряжения (решительные утверждения в этом духе см. в [30, 11]). Конечно, морфологически хеттское спряжение на *-hi* близко к и.-е. перфекту, а среди глаголов этой группы многие обозначают состояние. Но есть и глаголы действия. Более того, ряд глаголов, у которых чередуются флексии обеих серий, обнаруживают инактивное (или менее активное) значение именно в серии *-mi*: *teħhi* «я кладу, устанавливаю» — *temi* «я говорю», *piħhi* «я даю» — *paime* «я иду» (префикс отдаления *pe-* + **ieH-*, корень, переходный в греч. ἵκμι «пускать», лат. *lacio* «бросать», но непереходный в др.-инд. *yāti* «идти»). На основании подобных примеров И. Кноблох предположил, что именно спряжение на *-hi* отражает и.-е. активное объектное спряжение [31]. И. Кноблох вполне логично утверждает, что приведенный им материал ставит под сомнение выводы Х. Педерсена. Но ведь справедливо и обратное. Полного, непротиворечивого описания прототипов обоих спряжений не дал ни тот, ни другой исследователь.

Синтез этих теорий попытались дать Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Они полагают, что изначально спряжение на *-hi* наблюдалось при неактивном субъекте (в согласии с Х. Педерсеном). Но при увеличении валентности предиката, т. е. при внедрении в предложение активного актанта, такой глагол становится переходным. Следовательно, показатель 3 л. *-e* и показатель 1 и 2 л. *-Ha* указывают на присутствие в предложении неактивного актанта [20, с. 310]. Однако такая реконструкция ставит перед исследователем ряд новых вопросов. Типология активного строя предполагает, что активный субъект требует активного предиката независимо от наличия или отсутствия при нем объекта [32, с. 113]. Показатель объекта при становлении категории переходности может внедряться в глагол, но он обычно как-то соотносится с показателем инактивных имен. Ср. субъектную серию в эргативном кабардинском языке: *so-k'°e* «я ем», *wo-k'°e* «ты еси», *ta-k'°e* «он есть». Так же спрягается активный, но безобъектный глагол: *so-sxe* «я ем», *wo-sxe* «ты ешь», *ta-sxe* «он ест». Префикс *ta-* и является показателем субъекта в непереходной конструкции. Когда же предложение содержит объект, к глаголу присоединяется показатель *ye-* (для прямого объекта), *yo-* (для косвенного объекта). Этот префикс возник, по-видимому, из местоимения *и*, во вся-

⁶ В общем, попытка связать один корень с одним типом предложения не может быть признана удачной. Хорошо известно, что один глагольный корень может образовывать различные по степени активности/инактивности формы. Большой интерес представляет проведенный Ю. С. Степановым анализ рефлексов балто-славянского корня **vltz-* в старославянском и древнерусском: одна и та же форма 1 л. ед. ч. *вляжу* фигурирует как в переходной парадигме (*вляжу, вляжетъ, влятити*), так и в непереходной (*вляжу, влязитъ, влятити*).

ком случае, не встречается в абсолютных конструкциях. Модель же, предложенная Гамкрелидзе и Ивановым, представляется даже коммуникативно усложненной. Кроме того, она никак не объясняет втягивание глаголов на *-mi* в активную переходную парадигму. В общем, существование активного строя в праиндоевропейском пока остается не доказанным. «Этап Уленбека» (который, возможно, уже лучше назвать «этапом Степанова») может быть наследием не «активного строя с вкраплением черт эргативного» [20, с. 311], а номинативного, характеризующегося ярко выраженным бинаризмом имени и глагола.

Какова же была структура этого бинаризма? Здесь особого внимания заслуживает др.-инд. корень *duh-*, который, по М. Лойману и Ю. С. Степанову, образует достаточно архаический нестандартный меди́й. Ю. С. Степанов (со ссылкой на беседу с автором этих строк) отмечает, что в книге И. Нартен подчеркнуто семантическое различие между др.-инд. формами *duhé* и *duháte*: первая означает «(коровы) доятся», вторая — «они доят для себя» [33, с. 70]. С моей точки зрения, эта проблема не исчерпана данными наблюдениями. Согласно словарю Грассмана [34, s. v. *duh*], в сингулярных формах того же глагола наблюдается сходное распределение значений: *duháti* «он доит», *duháte* может означать «он доит для себя», *duhé* — только «она доится, корова молочная». Ясно, что в данном случае противопоставляются не столько субъекты, сколько отношение между субъектом и предикатом. Стандартный меди́й (с дентальным аффиксом) может указывать на то, что действие совершается в пользу субъекта, но вне его пределов, при этом субъект сам производит действие. Напротив, нестандартный меди́й указывает на то, что действие совершается внутри субъекта, причем субъект сам может его не контролировать. Само же действие правильнее охарактеризовать как внутреннее состояние субъекта. Далее, об этимологии данного корня в настоящая время уже можно судить с достаточной уверенностью. С одной стороны, к этому корню относятся греч. *τεῦχω* «строить, устанавливать», *τυχάω* «случаться» (так же соотносящиеся между собой, как *dógdhi* и *duhé*), нем. *taugen* «годиться», гот. *daug* «достаточно»; с другой — литов. *dau̯g* «много», ст.-слав. *доугъ*, чеш. *duh* «сила». Все эти соответствия позволяют установить первичное значение корня **dheugh-* «жизненная сила, мощь, возможность». Ю. С. Степанов связывает это значение исключительно с *activa tantum*, но в данном корне оно присутствует во всех морфологических вариантах. Активные формы этого глагола означают «распространять жизненную силу», а стативные — «обладать жизненной силой». Это позволяет предложить несколько иной принцип классификации глаголов. В частности, можно полагать, что глаголы, традиционно считающиеся активными, указывали на распространение действия за пределами субъекта, при этом наличие прямого объекта не играло принципиальной роли. Напротив, глагольные формы, относившиеся к «протоперфекту-стативу», указывали на внутреннее состояние субъекта. Формально эти глаголы противопоставлялись местом ударения: «примитив» был баритонным, «протоперфект-статив» — окситонным. Это наглядно видно при сравнении форм *dógdhi* (< **dheugh-ti*) и *duhé* (< **dheughé*); формы же типа *dóhati*, *duháti* — более поздние (ср. подробнее [35], где эти отношения описаны как аблаутно-акцентная парадигма).

В соответствии с изложенным несколько иную интерпретацию могут получить явления, которые автор считает следами активного строя. Ю. С. Степанов дал весьма глубокий и тонкий анализ супплетивного пассива в греческом, убедительно показав истоки аукториального паде-

жа при нем, но прямых индоевропейских аналогов этому явлению не существует. Использование каузативов в ведическом, по-видимому, вообще вряд ли имеет индоевропейские прототипы. Во-первых, как уже отмечалось, не существует ограничений на сочетание одушевленных объектов с первичным или каузативным корнем. Во-вторых, тяготение к одушевленному объекту вообще есть отличительная черта каузатива в любом строе языка. В-третьих, каузативная функция, возможно, не является первичной для глаголов с суф. *-eio-*. А. Эрхарт полагает, что каузатив с этим суффиксом образовывали только корни с непереходным значением, а переходные корни — фреквентатив [36]. А. Маргулис указывал на сложные отношения между каузативами и фактитивами [37]. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов предполагают, что предшественником каузатива являлась какая-то модальная или итеративная форма [20, с. 331]. Во всяком случае, широкое распространение каузатива — не индоевропейский архаизм, а черта именно древнеиндийского языка. Наконец, сочетание одушевленных субъектов с одним типом предикатов, а неодушевленных — с другим есть характерная черта именно литовского языка. Не говорит ли все это о том, что черты активного строя в индоевропейских языках — не архаизм, а тенденция их развития? В истории отдельных языков могла возникать более тесная связь субъекта и предиката, чем в исходном языковом состоянии. Представляется, что именно так обстояло дело в литовском. Сравним два выражения непереходного действия: (1) *žmogùs kėliasi* «человек поднимается» и (2) *vėjas kyla* «ветер поднимается». Ю. С. Степанов с полным основанием видит в различной морфологии предикатов влияние одушевленности / неодушевленности субъекта. Но следует обратить внимание и на внутреннюю форму глаголов. В предложении (1) глагол, означающий, собственно, «поднимает себя», указывает на то, что некто сознательно совершает действие, направленное на себя. В предложении (2) предикат указывает на то, что действие совершается как бы «в субъекте», оно означает его стремление к достигнутому состоянию, но не контролируется им (о важности критерия контролируемости действия субъектом см. [38]). Семантически, а отчасти и генетически сходный грамматический способ представлен в русском: *утопиться* — *утонуть*, *повеситься* — *повиснуть*; в паре *прославиться* — *прослыть* очевидно большее влияние субъекта на действие. Наконец, *простудиться* — *простыть* показывает, что оппозиция предикатов по одушевленности субъекта возможна и в русском: она естественно развивается из оппозиции контролируемого — неконтролируемого действия.

В типологической литературе неоднократно подчеркивалась именно неконтролируемость субъектом стативных конструкций глагола. Благодаря этому при стативах формируется так называемая аффективная конструкция: субъект состояния стоит не в номинативе, а в каком-либо косвенном падеже: генитиве, дативе или (реже) в аккузативе [39; 40, с. 113]. Ю. С. Степанов приводит много примеров таких конструкций в древних и современных индоевропейских языках.

Представляется, что изложенная нами концепция позволяет документально подтвердить связь «протошерфакта-статива» с прилагательными; эту связь Ю. С. Степанов считает вероятной, но не доказанной (с. 28). В литературе неоднократно подчеркивалось сходство в синтаксическом управлении 3 л. и некоторых именных конструкций в литовском, ср. (1) *senū miškai myl'ia* «старикам леса нравятся» (рассогласованное причастие) и (2) *nerū kada važiuoja* «некогда переезжать» (рассогласованное 3 л.) [41]. Еще более явное сходство можно увидеть в (3) *mān sāļa* «мне

холодно» и (4) *mán (galvą) škaūda* «мне (голову) больно». Предложение (3) и (4) характеризуются расогласованностью предикатов и синхронически нулевым аффиксом. Хотя в первом случае в качестве предиката выступает прилагательное, а во втором — глагол, их изоморфность, изосемантичность и изосинтаксичность, по-видимому, неслучайны. Они являются наследием раннего индоевропейского языкового состояния, в котором стативные глаголы были прилагательными, или, если воспользоваться очень удачным термином Ю. С. Степанова, «причастиями-наречиями» (с. 30).

Наличие двух основных типов и.-е. предикатов связано с еще одной оппозицией — видовой (или аспектной). Здесь Ю. С. Степанов сформулировал весьма плодотворную идею: в разные периоды языкового развития менялось и семантическое наполнение этой оппозиции, и ее структура. Иными словами, мог противопоставляться, с одной стороны, нейтральный недлительный вид — длительному, а с другой — нейтральный несовершенный вид — совершенному. Последствия этих трансформаций подробно рассмотрены в гл. V книги Степанова. Здесь выявлены основные глагольные классы в литовском и их соответствия в русском языке. Для описания вида автор использует трехфазовую схему, разработанную Г. Келльном: 1 фаза — достижение состояния (*я падаю, падаю...*), 2 фаза — критическая точка (*я упал*), 3 фаза — достигнутое состояние (*я лежу*)⁷. Также выясняется, что недлительные глаголы тяготеют к переходности, а длительные — к переходности, причем в балтийском главную роль в оппозиции играет диатеза, а в славянском — вид. Сложные переплетения в диатезных и аспектных категориях обнаруживаются в следующей черте ряда балтийских глаголов: претерит недлительных или переходных глаголов оказывается аналогичным презансу длительных или переходных. Ср. литов. *klūpti*, прет. *klūpo* «споткнуться» — *klūpóti*, през. *klūpo* «стоять на коленях»; (pa)žinti, (pa)žino «узнавать» — žinóti, žino «знать». Ю. С. Степанов видит в таких амбивалентных формах наследие и.-е. перфекта.

На основании строгой системы корреляций автор восстанавливает ряд важных фрагментов протобалто-славянской глагольной системы. Так, ряд претеритов структуры *TeT* на -e отражает сигматической аорист, как литов. *véde* в сопоставлении со ст.-слав. *вѣсъ* (< **ved-s*). С отпавшим сигматическим аффиксом Ю. С. Степанов связывает и удлинение корневого гласного: **kel-s* > **kēl-s* > *kēlē*. С другой стороны, к сигматическому аористу автор возводит особые глагольные формы в балтийском и славянском со значением сверхкраткого действия: литов. *kėlti* «поднимать», *kilti* «подниматься» — *kils* «прыг, скок»; *kálti* «ковать, бить» — *kals* «бах, бряк». Формально и семантически такие глагольные слова подобны русск. *прыг, порх, бух* и т. д. Эти формы вполне соответствуют восстанавливаемым К. Уоткинсом и.-е. сигматическим предикативам типа **prek-s*, где -s, по сути, показатель 3 л. ед. ч.⁸.

⁷ Эти отношения можно проиллюстрировать лат. *iació* «я бросаю» — *iēci* «я бросаю» — *iaceó* «я лежу».

⁸ Однако различия есть. Согласно К. Уоткинсу [43], сигматический аффикс присоединялся к глагольным корням в состоянии II, по Бенвенисту (ср. **pr-ek-s*), тогда как балтийские формы явно тяготеют к 0 ступени всей основы. Они могут свободно сочетаться со всеми лицами, так что здесь аффикс -s явно не указывает на 3 л. (даже если учесть, что 3 л. — нулевое). Поэтому рискованно объявлять эти формы прямыми продолжением сигматического аориста; вероятнее, что перед нами отражение еще более древней формы — архаичного корня со значением действия, но лишеного указаний на время и модальность.

Другой фрагмент и.-е. глагольной системы, восстановленный Ю. С. Степановым, — следы перфекта в балтийском. Кроме отмеченных случаев, сюда относятся глаголы со ступенью *o* корня и суффиксом *-š* в инфинитиве: слав. *gorъsti*, *zombti*, литов. *garėti* «пылать», *magėti* «мочь». Такие глаголы в литовском часто сочетаются с дат. п. субъекта и продолжают этим и.-е. категорию состояния.

Другой оппозицией, связанной с и.-е. стативом, является взаимоотношение аблаутных и безаблаутных классов в балтийском. К первому из них относятся глаголы структуры *TeRT / TRT*, к одному безаблаутному классу — корни *TeT*, к другому — *TiT* (*i* — любой сонорный). Корни структуры *TeRT* тяготеют к «нейтральному», или длительному виду, в переходной диатезе, корни же с *θ* ступенью — к недлительному виду и непереходной диатезе. В балтийском это иллюстрируется уже приводившимися примерами (*bėrti* — *birti*, *kėlti* — *kilti*, *mėk̃ki* — *mirk̃ti*), в греческом хорошо известно соответствие переходного презенса непереходному аористу: *τρέφο* «я кормлю» — *ἔτραφον* «я вырос», *ἔριπτο* «я бросаю» — *ἔριπτο* «я упал».

Думается, что все эти факты, неоднократно излагавшиеся Ю. С. Степановым в прежних работах [44], хорошо соотносятся с изложенной выше концепцией и.-е. глагола. Глагольная словоформа с полной ступенью корня обозначала действие, никак не маркированное, т. е. «неопределенное». Пределом же действия формы с нулевой ступенью являлся его субъект. Следовательно, такое действие получало определенную маркированность. В презенсе глагол с нулевой ступенью корня становился терминальным (ср. скр. *tírati* «достигать» в сопоставлении с *tárati* «идти, двигаться»). Из окситонных корней в презенсе и формируется известный др.-инд. тип *tudāti*, имеющий экспрессивную, терминативную и/или слабо модальную семантику [45]. В претерите же такие корни становились аористами. Укажем на греч. *ἔλιπον* «я оставил», *ἔφυγον* «я убежал», *ἔδραμον* «я увидел» и литов. аналоги и.-е. тематического аориста: *bīro* «он сыпался», *mīrko* «он мок», *lūzo* «он ломался». При этом суф. *-o* (< **-ā*), как отмечает Ю. С. Степанов, закономерно относится к продолжениям тематического аориста в балтийском. Подобные формы указывают на первую и вторую фазы действия. Но следует отметить, что именно в первой фазе действие может трактоваться двояко: как терминативное и как стативное. Ср. в этой связи русск. *белеть* «становиться белым» (процесс) и «быть белым» (состояние). Именно это соотношение позволяет ответить на вопрос, почему от одной и.-е. праформы могли произойти стативный перфект и моментивный тематический аорист. Таким образом, связь вида и диатезы вовсе не однозначна. Можно указать и на тематический изначально окситонный презенс, соотносящийся с баритонным атематическим аористом: греч. *ἀκούω* «я слушаю» — скр. *áçrot* (аор.) «он слышал». Но в целом баритонность оказалась связанной с длительной диатезой; корень с полной ступенью в процессе развития оказался соединенным с тематической гласной. Именно такие формы легли в основу класса, обозначенного у Ю. С. Степанова как *TeRT*.

В свою очередь, переходность можно рассматривать как вид ограничения неопределенности баритонного предиката в пространстве. В этой связи следует несколько слов сказать о разработанной Ю. С. Степановым текстовой теории падежей. Эта теория по своему значению выходит за рамки индоевропейского синтаксиса; в частности, она имеет существенное значение для лингвистики текста и когнитивного языкознания. Для исследования структуры предложения весьма важная классификация раз-

личных типов переходности, осуществленная Ю. С. Степановым. Автор выделяет синтетическую и аналитическую, эффективную и неэффективную переходность; в соответствии с этим классифицируется и винительный падеж. Винительный вещи — падеж при глаголе с синтетически эффективной переходностью: он указывает на то, что предмет не включен в семантику глагола (синтетичность), но подвергается существенным изменениям в процессе действия (эффективность). Винительный лица указывает на одушевленный предмет, который заставляет совершать определенное действие, поэтому предложение *Сестра гонит брата* определяется двумя перифразами: *Сестра гонит* + *Брат уходит*. Переходность при винительном лица — синтетическая, каузальная, т. е. нейтрализующая эффективность / неэффективность. При глаголах восприятия наличествует неэффективная переходность, падеж прямого дополнения здесь определяется как винительный внутреннего объекта. Ср. следующую систему перифраз: (1) *Человек видит* (или *Человеку видится*) (2) *Виден дом* (или *Это дом*) (3) *Человек видит дом*. В литовском и северо-западных русских диалектах в таких случаях вместо аккузативной формы может стоять номинативная: литов. *kàs čià girdėti (motyti)?* «что здесь видно (слышно)?»; сев.-русс. *Дорога не видно; Песня не слышно*. Это — синтетическая неэффективная переходность. Аналитическая неэффективная переходность выявляется в фразах типа *Играть роль*. С помощью системы перифраз устанавливается ситуативная семантика и других падежей.

В историческом комментарии к русской системе падежей Ю. С. Степанов также опирается на реконструкцию Гамкрелдзе — Иванова. Эти исследователи предположили, что в основе индоевропейского аккузатива лежат два падежа: исконно инактивный падеж на *-t* и падеж, названный авторами «структурно-синтаксическим инактивом» [20, с. 277]. Ю. С. Степанов называет этот падеж «аккузативом-1» и видит в нем «пониженный в ранге субъект» (с. 161). Тот же аккузатив, который не может перифразироваться в субъект, получает наименование «аккузатива-2» и происходит из древнего *casus indefinitus*. Существование «аккузатива-1» и «аккузатива-2» автор видит в одной из разновидностей двойного «винительного», где сочетаются винительный лица и вещи: ср. греч. *κακά κολλά ἑοργε Τροῦα*; (Ил. 16, 424) «он много причинил зла троянцам».

В этой связи хотелось бы заметить, что само наличие «структурно-синтаксического инактива» является достаточно серьезным возражением против реконструкции активного строя в праиндоевропейском: языки непониженного строя являются, как известно, и безаккузативными. Трагедия прямого дополнения как пониженного в ранге субъекта, с одной стороны, и инактива — с другой, не вызывает возражений. Но и в том, и в другом случае функция падежей не независима: она обусловлена прежде всего семантикой глагола. Независимо же функционирует аккузатив в качестве падежа-предела — пространственного, временного, количественного: *пройти путь, провести день, весить тонну* [46, 47]. Такой падеж хорошо представлен во многих древних и.-е. языках: лат. *eo tuis*, скр. *nagaram gachati* «он идет в город». В греческом хорошо известен *accusativus relationis*: τὸβας ὄκτος Ἄχιλλῆος «быстрый ногами Ахилл». Наличие самостоятельной функции лимитатива и самостоятельного аффикса *-t* наводит на мысль о том, что эта флексия маркировала индоевропейский предельный падеж. Прямое же дополнение могло выражаться нулевым аффиксом и действительно восходить к *casus indefinitus*. При этом лимитативный падеж и аккузатив при неэффективной переходности обна-

руживают явное семантическое сходство. Прямое дополнение в предложении *Я вижу дом* указывает на сферу действия, и семантика таких глаголов тесно связана с наличием прямого объекта. Можно утверждать, что в современном русском языке существуют два омонимичных глагола *видеть*: непереходный, указывающий только на внутреннее состояние субъекта (*я вижу* — «я не слеп»), и переходный, требующий прямого объекта-предела. Это и есть пространственное ограничение глагола, отражающееся и на диатезе. Видимо, соединению лимитативного и объектного падежа произошло именно при глаголах с неэффективной переходностью, и затем распространилось на переходные глаголы в целом.

О лимитативной семантике аффикса *-т* косвенно свидетельствует семантика и.е. **pedom* «равнина» (то, что у ног, то, что лежит) в сравнении с **ped-s* «нога»; возможно, тот же аффикс содержится в числительных типа **sept-т*, **neu-т*, **dek-т*. В целом же разработанная Ю. С. Степановым текстовая теория русских падежей и исторический комментарий к ней помогают понять пути формирования и.е. падежной системы.

О второй линии исследования Ю. С. Степанова скажу вкратце. Очень большой интерес представляет реконструированный им ряд «плавающих» частиц. Так, автор возводит к единому прототипу лат. префикс *re-* и др.-гр.-л. *ro-* (восходящие не к **pro-*, а к **re-/ro-*) и показатель медиа *-r* в ита-ло-кельтском, анатолийском, тохарском и фригийском. «Плавающая» частица *re-* означала «здесь, у субъекта». Такая реконструкция, подкрепленная скрупулезным анализом значения лат. *re-*, исключительно удачно объясняет функционирование медиального показателя, в частности, его использование в безличных предложениях типа лат. *itur* «(кто-то) идет», оск. *ier* тж.: частица со значением «у субъекта» может служить заменителем субъекта, ср. русск. *-ся* (*смеркается*), литов. *-si* (*ródosi* «кажется» при *rodýti* «показывать»). К числу рефлексов этой частицы можно прибавить и локальные и темпоральные наречия греч. *ὄκτωρ* «ночью», литов. *kūr* «где», авест. *avarə* «здесь, там». Аналогично автор рассматривает показатель 1 л. ед. ч. претерита *-u* (лат. *-ui/-vi*, тох. *-wa*, хетт. *-u-zi*, лувийск. презенс *-wi*) с префиксом отдаления *u-*: слав. *vy-*, *ou-*, скр. *vi-* «врозь», лат. *ui-*. Полностью присоединяясь к подобному сопоставлению, отмечу, что эту же приставку можно обнаружить и в древнейших слоях праиндоевропейского. Достаточно хорошо известно сопоставление и-е **es-* «быть» и **yes-* «жить» [48, 49]. Исследователи сходятся в том, что у этих глаголов — один корень, тогда как *u-* является преформантом. На наш взгляд, семантика обоих глаголов свидетельствует о достаточно определенном значении преформатива «находиться внутри»; приставка *u-* с тем же значением зафиксирована в хеттском (*u-iz-zi* «он входит»). Ее неотделимость свидетельствует о глубоком архаизме. По-видимому, общее значение частицы *u-* можно определить как мобильность, отделение от некоего исходного пункта. «Плавающая» частица *u-* указывала в качестве флексии на отделение от момента речи (претеритальность) или от момента реальности (3 л. императива, ср. хетт. *-du*, др.-инд. *-tu*, др.-перс. *-tuv* [50]).

Большой интерес представляет предпринятый Ю. С. Степановым поиск действительных элементов в составе индоевропейского и греческого глагола. Автор полагает, что одним из источников греческого аористного и перфектного форманта *-k-* является местоименный элемент **k-/k^u-*, ср. греч. *εκεῖ*, *ἐκεῖνος* и т. д. Также показатель 2 л. ед. ч. перфекта и аориста *-θα* может восходить не к перфектной флексии **-tha*, а к указательному **-dha*, используемому в локальных наречиях, а также в императиве: греч. *i-thi*, скр. *i-hi* «иди», хетт. *arnu-t* «подними». Эти наблюдения и сопо-

ставления убедительно показывают, что греческий перфект прямо не выводит из хетского спряжения на *-hi*, обе грамматические категории восходят к особой и *-e*. морфологически не оформленной парадигме. На несколько ином материале этот вывод сделан также в работе [51].

Мы кратко постарались очертить круг проблем и значение книги Ю. С. Степанова для индоевропейского языкознания. Характерной особенностью рецензируемой работы является использование в ней данных и методов общего языкознания, структурной лингвистики, изучения отдельных языков и языковых групп. Несомненно, специалисты по латинскому, балтийским и славянским языкам найдут здесь много интересного для себя. Большое значение имеют упомянутые нами текстовая теория падежей, классификация разных типов переходности балто-славянских глаголов, исключительно тонкое исследование различных моделей референции, в частности, частиц, относящихся к референциальному пространству 1, 2 и 3 лиц.

В книге Ю. С. Степанова затронуты все основные вопросы индоевропейского синтаксиса. Автор предлагает чрезвычайно интересные, нетривиальные ответы на эти вопросы. Многие из его выводов можно считать строго доказанными, другие представляются более спорными. Но в целом книгу Ю. С. Степанова можно считать одной из самых ярких и значительных работ по индоевропейскому языкознанию, появившихся за последние двадцать лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Delbruck B* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen Bd 1 Leipzig, 1893
- 2 *Brugmann K* Die Syntax des einfachen Satzes der indogermanischen Sprachen Berlin, Leipzig, 1925
- 3 *Lehmann W Ph* Proto Indo European syntax Austin London, 1974
- 4 *Friedrich P* Proto-Indo European syntax Origin of meaningful elements Hattisberg, 1975
- 5 *Shields K* Indo European noun inflection L, 1982
- 6 *Курилович Е* Очерки по лингвистике М, 1964
- 7 *Беньевский Э* Общая лингвистика М, 1974
- 8 *Красухин К Г* // ИАН ОЛЯ 1990 № 6 Реч на кн Степанов Ю С Индоевропейское предложение
- 9 *Уленбек Х К* Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения М, 1950
- 10 *Тронский И М* Очерки по истории латинского языка М, II, 1950
- 11 *Alex F* Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalsystems // Studies in Greek, Latin and Indo European linguistics Innsbruck, 1976
- 12 *Перельмутер И А* Общиндоевропейский и греческий глагол Л, 1977
- 13 *Юванин А П* Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мышления М, 1984
- 14 *Bader F* ΕΙΚΩΣ, ΕΟΙΚΩΣ et la parfait redouble en grec // BSLP 1969 V 64
- 15 *Leumann M* Morphologische Neuerungen im altindischen Verbalsystem Amsterdam, 1952
- 16 *Kurylowicz J* The inflectional categories of Indo European Heidelberg, 1964
- 17 *Schwyzler E* Griechische Grammatik. Bd 1. Munchen, 1939
- 18 *Bader F* Le present du verbe «être» en indo-européen // BSLP 1976 V 61
- 19 *Савченко А Н* Происхождение среднего залога в индоевропейском языке Ростов-на-Дону, 1960
- 20 *Гамзрелидзе Т В, Иванов Вяч Вс* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч 1—II Тбилиси, 1984
- 21 *Schmalstieg W R* The genitive with the verb denoting «to fill» // Baltistica, 1984 XX 2
- 22 *Елизаренкова Т Я* Грамматика ведийского языка М, 1982
- 23 *Серебрянников Б А* О материалистическом подходе к явлениям языка М, 1983

- 24 *Фейе Ж* // ВЯ 1988 № 4 Речь на ки Гамкрелидзе Т В, Иванов Вяч Вс Индоевропейский язык и индоевропейцы
- 25 *Елизаренкова Т Я* Эргативная конструкция в новоиндийских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов Л, 1967
- 26 *Пирейко Л А* К вопросу об эргативной конструкции в иранских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов Л, 1967
- 27 *Иванов Вяч Вс* Хурритские и хаттские этимологии // Этимология 1981 М, 1983
- 28 *Aragado F R* Evolucion y estructura dal verbo indo europeo Madrid, 1963
- 29 *Schmalstieg W R* Indo European linguistics A new synthesis University Park and London, 1980
- 30 *Pedersen H* Hittitisch und andere indogermanische Sprachen København, 1938
- 31 *Knobloch J* La voyelle thematique serait elle un index d'object? // Lingua 1953 V 3
- 32 *Климов Г А* Типология языков активного строя М, 1977
- 33 *Narten J* Die sigmatischen Aoristen im Veda Wiesbaden, 1964
- 34 *Graßmann H* Wörterbuch zum Rig-Veda Leipzig, 1879
- 35 *Красухин К Г* Значение оппозиции тематических и атематических глагольных основ для индоевропейской реконструкции // Сравнительно историческое изучение языков различных семей Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры М, 1989
- 36 *Erhart A* Zur Entwicklung der Verbalnathese im Indoeuropaischen // Sbornik praci filosoficke fakulty Brnenske University 1981 A 29
- 37 *Margulies A* Verbale Stammbildung und Verbalnathese // KZ 1930 Bd 58
- 38 *Pinkster H* Lateinische Syntax und Semantik Amsterdam, 1987
39. *Гузман М М* Конструкции с дательным/винительным падежом и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов Л, 1967
- 40 *Климов Г А* Принципы континентальной типологии М, 1983
- 41 *Palmaris L* Indo European masdar as the 3-rd person and *gra* in Baltic // Baltistica 1984 XX 2
- 42 *Kölln G* Opposition of voice in Greek, Slavic and Baltic // Histor philos Medd Kgl Dan Videnskab Selskab København, 1969 Bd 43 № 4
- 43 *Watkins C* Indo European origins of Celtic verb Pt 1 The sigmatic aorist Dubln, 1962
- 44 *Степанов Ю С* Славянский глагольный вид и балтийские диатезы // IX Международный съезд славистов Доклады советской делегации М, 1978
- 45 *Repon L A* proros du tyre *tudati* // Melanges J Vendryes P, 1925
- 46 *Ланов М В* Русский язык // Языки народов СССР Т 1 М, 1966
- 47 *Широков О С* Типы чередований // Вестник МГУ Сер 9 1987 № 6
- 48 *Макаев Э А* Структура слова в индоевропейских и германских языках М, 1970
- 49 *Герценберг Л Г* Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках Л, 1973
- 50 *Schmidt G* Lateinisch *amavi amasti* und seine indogermanische Grundlagen // Glotta 1984 Bd 53
- 51 *Красухин К Г* К вопросу о системе личных показателей индоевропейского глагола // Вестник МГУ Сер 9 1986 № 6